

Остапенко Андрей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и юридических дисциплин, Таганрогский филиал Российского нового университета, город Таганрог.

Электронный адрес: andrey-ostapenko2023@mail.ru

Andrey S. Ostapenko

Ph.D. of Legal Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of humanities and legal disciplines, Taganrog branch of the Russian New University, Taganrog.

E-mail address: andrey-ostapenko2023@mail.ru

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: КОНТУРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации, которые претерпевают социум, человек и государство в постиндустриальную эпоху (постмодерн). Данные трансформации обусловлены как эволюционными формами социальных изменений, присущих развитию всей общественной системы, включая государство и право, так и появлением новых технологий, цифровизацией различных сфер деятельности, что по своей масштабности и скорости развертывания носит революционный характер. Делается вывод о том, что значение цифровых преобразований современности определяется создаваемыми ими стандартами общественных отношений, сохраняющих свою суть, но приобретающих новые формы. Это расширяет процессы социальных и информационных взаимодействий на качественном уровне, являясь итогом цифровой революции, феноменом которой может стать переосмысление бытия человека, включенного в цифровую среду как одно из пространств общества постмодерна.

Ключевые слова: постмодерн, общество постмодерна, либерализм, демократическое правовое государство, теория трудовой стоимости, общественный договор, цифровизация, социальные революции.

Для цитирования: Остапенко А.С. Человек, общество и государство в эпоху постмодерна: контуры социальных трансформаций // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2026. № 1. С. 119–129. DOI: 10.18137/RNU.V9276.26.01.P.119

MAN, SOCIETY AND THE STATE IN THE POSTMODERN ERA: CONTOURS OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

Abstract. The article examines the transformations that society, man and the state are undergoing in the post-industrial era (postmodernity). These transformations are due to both the evolutionary forms of social change inherent in the development of the entire social system, including the state and law, as well as the emergence of new technologies, the digitalization of various fields of activity, which is revolutionary in its scale and speed of deployment. It is concluded that the importance of modern digital transformations is determined by the standards of social relations they create, which retain their essence but acquire new forms. This expands the processes of social and information interactions on a qualitative level, being the result of the digital revolution, the phenomenon of which may be a rethinking of human existence, included in the digital environment as one of the spaces of postmodern society.

Keywords: postmodernity, postmodern society, liberalism, democratic and rule-of-law state, labor theory of value, social contract, digitalization, social revolutions.

For citation: Ostapenko A.S. (2026) Man, society and the state in the postmodern era: Contours of social transformations. *Vestnik of Russian New University. Series: Man and Society*. No. 1. Pp. 119–129. DOI: 10.18137/RNU.V9276.26.01.P.119 (In Russian).

История государства и права демонстрирует различные варианты эволюции государственно-правовых систем вплоть до становления государства современного типа. При этом векторы их эволюционных изменений являются многолинейными, определяемыми различными факторами и стратегиями, не сводящимися лишь к способам гармонизации существующих противоречий и внутренних конфликтов, присущих социуму как пространству столкновения интересов. В труде «Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира» Эрвин Ласло отмечал: «Мы стали свидетелями наступления эры, когда диапазон возможных вариантов жизни на нашей планете – ее качества и даже сохранения – во многом, если не целиком, определяется нами, людьми, обитающими на Земле... Наше время стало свидетелем разительных перемен, которые перевели основополагающую идею – представление о том, что наш мир и в будущем, как и прежде, будет зависеть от того, что думаем, говорим и делаем мы, люди, – из области банальных истин в область научных принципов» [1, с. 6]. Все более актуальным данное утверждение может стать в XXI веке, который порождает новые трансформации человеческого бытия, затрагивающие жизненные интересы всего человечества и требующие для своего осмысления научного анализа в рамках построения моделей будущего общественного устройства.

Индивидуальные представления личности, ее ожидания, а также образ мысли и действия формируются посредством социализации и накопления опыта взаимодействия с окружающей социокультурной средой (наличным жизненным пространством). При этом перед человеком открывается масса возможностей выбора, начиная от моделей потребления и образа жизни до социальных, культурных

и духовных предпочтений. Как указывает И.В. Левакин, «современность характеризуется сменой парадигм научно-технологического развития, выражающейся в переходе ведущих сообществ от модерна к постмодерну, то есть от общества индустриального, промышленного, массового, в основном капиталистического к постиндустриальному – информационному и биотехнологическому, порвавшему с метанарративами буржуазности» [2, с. 4]. Поэтому социальные стратегии современного человека охватывают нарративы быстро меняющегося мира и адаптируются к нему, что обусловлено ускоряющимися темпами научно-технического, культурного, государственно-правового и цивилизационного прогресса. И если в прошедшие десятилетия конца XX – начала XXI вв. цивилизационное развитие человека, социума, государства и права проходило в русле «вестернизации», «американизации», «европеизации», то в настоящее время униполярный проект глобализации по западным либеральным и неолиберальным сценариям показывает свою несостоятельность, приводя либеральные режимы в состояние кризисов различного характера.

Причина этого кроется в кризисе самого либерализма, упадке международного права, нежелании Запада принять изменения векторов глобализации, не отменяющей национального развития, а включающей его в строящийся многополярный мир. В самих западных странах либеральные институты, некогда использовавшиеся в целях индивидуализации и защиты человека в социальной и государственно-правовой сфере, стали оружием в руках власть имущих, не признающих интересов других социальных классов и групп. Государство, по сути, стало элитарным, обслуживающим интересы крупного бизнеса и его лобби, представленных многочислен-

Человек, общество и государство в эпоху постмодерна:
контуры социальных трансформаций

ными группами влияния, имитирующими деятельность гражданского общества. На деле же между либеральным государством и человеком вырос барьер, изолирующий элиты и их ценности, непреодолимый для обывденного представителя общества, что порождает нигилизм и уход индивида от реальности. «Духовные итоги XX в. парадоксальны для человека: с одной стороны, обострилось его чувство собственной индивидуальности и свободы, с другой – осознается все большее отсутствие этой индивидуальности, самоотрицание собственной свободы, бегство от самого себя и распыление» [3, с. 10]. Результатом являются разрушение традиционных культурных архетипов, наступление «эры симулякров», деградация критического мышления, ориентация на потребительство, злоупотребление правами при отрицании обязанностей, потеря социальной целенаправленности.

В отличие от этого подлинное демократическое правовое государство есть человекоориентированный социальный институт, который стремится к господству права как средству реализации идеи свободы в общественных отношениях, что также предполагает активное участие гражданина в социальной жизни не только путем волеизъявления, но и посредством структур гражданского общества, выражающих различные интересы человека. Правовое государство уже не может основываться на концептах либерализма, роли ночного сторожа и принципе «равных стартовых условий» для всех. Подобное ограничение функций государства лишает его субъектности в общественной жизни и социальных процессах, делает чуждым для человека, оказавшегося предоставленным самому себе. «Социальные лишения членов гражданского общества вызывали экономические кризисы 1873–1878, 1883–1885,

1893–1897, 1908–1909, 1913–1914 гг. Великая депрессия 1929–1939 гг. обнаружила ошибочность взглядов либеральных экономистов, верящих в способность рыночной экономики восстанавливать свое равновесное функционирование внутренними ресурсами» [4, с. 27]. В период становления капиталистических отношений диктовалась необходимость свободного перемещения товаров, ресурсов и финансовых средств при определенной опеке со стороны государства и формирующегося гражданского общества. В течение XIX–XX вв. социальная практика западных правовых порядков столкнулась с кризисом либеральной модели развития, воплощенной в принципе крайнего индивидуализма, на смену чему пришли идеи социал-демократии, консерватизма, социального государства и т. д.

Данную проблему пытались решить путем модернизации экономической теории, включившей различные направления – кейнсианство, монетаризм, неолиберализм, институционально-социологические направления, неонституционализм и прочие, что привело к смене парадигм социально-экономического развития во второй половине XX века. Либерализм пытался приспособиться под аморфное образование с условным названием «развивающееся государство», или же «государство, ставшее на путь рыночных преобразований», стремясь превратить его посредством правовых реформ в общество с рыночной экономикой. В результате произошла идеализация рыночных отношений, придание им несвойственной функции движущей силы истории, в то время как их непосредственным итогом стал период благоденствия десятка развитых государств на фоне отсутствия ощутимой пользы для других.

Экономические и политико-правовые явления тесно взаимосвязаны и социально обусловлены, поскольку основу об-

щества составляет человек, его интересы и потребности. В государственно-организованном социуме они воплощены в системе общественных отношений, включая многочисленные связи между индивидами, труд и производство, а также государственно-правовое воздействие в форме закрепления и регулирования социальных практик и групп правоотношений, имеющих базисное значение для функционирования общества. Среди них особое значение имели сферы приложения организационных и экономических функций государства, главная задача которых заключалась в формировании упорядоченной деятельности человека. Так, начиная с глубокой древности государство исходило из оппозиционных категорий, таких как правый и неправый, разрешенный и запрещенный, законный и незаконный и других, прилагая их к организации общественной жизни, труду человека и распределения его результатов.

Без этого не могло произойти и становления цивилизации, так как цивилизация основывается не столько на многообразии духовных и культурных факторов, сколько на организации труда человека как выражении государственного регулирования материального производства. Наиболее наглядно этот процесс прослеживается в формировании и развитии классовых рабовладельческих государств Древнего Востока и античности. На Востоке благодаря организации общественных работ и закреплению памятниками права имущественного расслоения жреческая и светская рабовладельческая знать постоянно приумножала свое богатство, которое становилось приоритетной ценностью. Особенности организации труда в древневосточных обществах позволили К. Марксу в 50-х гг. XIX века выработать понятие азиатского способа производства, формулировка ко-

торого содержится в предисловии к его произведению «К критике политической экономии» (1859 г.) [5; 6, с. 4]. В настоящее время азиатский способ производства переродился в капиталистический в полном соответствии с теорией общественно-экономических формаций, которая не может быть отброшена только потому, что не признает вечность буржуазного строя, допуская возможность его трансформации в иную социальную систему.

В отличие от Востока, на Западе частное, индивидуальное начало всегда было выражено более ярко, а со становлением общин свободных граждан в Древних Греции и Риме политико-правовая традиция пошла по пути поиска воплощения, рационального устройства государства и общества, соответствующего гражданским правам, как их понимали в то время. За пределами этих прав оставались рабы и неимущие слои населения. Позже политическое и правовое наследие Древних Греции и Рима составило основу европейской цивилизации, было воспринято мыслителями эпохи Возрождения и Нового времени, проложившими путь к современности.

Произошли модернизации и в социально-трудовых отношениях. Еще в XVIII веке идея справедливости в трудовой деятельности приобрела форму научной теории трудовой стоимости, впоследствии ставшей основой для трудового законодательства, профсоюзов, трудовых политических партий. Под лозунгом свободного труда произошла колонизация Америки, а Роберт Оуэн построил свой «новый прекрасный мир» и трудовые колонии в Англии, которые, однако, через некоторое время распались. К сожалению, произошло то же, что и с другими предприятиями, построенными на энтузиазме или принуждении: человек, удовлетворив свои насущные потребности, не был заин-

Человек, общество и государство в эпоху постмодерна:
контуры социальных трансформаций

тересован в дальнейшем труде и покидал коллектив в поисках лучшей доли, забрав часть накопленного имущества. В период критики и борьбы с марксизмом теорию трудовой стоимости учитывали представители либерализма и других идеологий, но после победы над ним оказалась забытой и трудовая теория.

По Прудону, например, «собственность есть кража» [7, с. 14], в любом обществе она выступает условием неравенства, но, в то же время является объектом, дарующим свободу. Примирение этого противоречия, ведущего к антагонизмам между трудом и капиталом, человеком и государством и т. д., может лежать в рамках теории общественного договора. Умозрительная конструкция общественного договора была сформирована в недрах зарождающегося естественного права, используемого буржуазией с целью рационалистического реформирования феодального государства и права в период буржуазных революций. Идея общественного договора как основа политических и гражданских отношений рассматривалась и ранее, например, философами античности, но только в Новое время она стала способом стабилизации отношений между гражданским обществом и государством. В настоящее время моделями общественного договора являются конституции современных государств, преамбулы которых непосредственно отсылают к народу как субъекту государственно-правовых отношений: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» (Конституция РФ 1993 года); «Мы, народ Соединённых Штатов...» (Конституция США 1787 года) и др.

Основной Закон регулирует посредством юридического закрепления наиболее значимые общественные отношения, что не позволяет им достичь критической массы, ведущей к нестабильности и рево-

люциям. Этим допускается наличие различных вариантов взаимодействия гражданского общества с публичной властью в правовом (конституционном) поле, поскольку именно конституционное поле закрепляет организацию государственной власти, права и свободы граждан, основы легального диалога общества и власти. Задача гражданского общества в подобном ракурсе заключается в наиболее адекватном отражении степени социального консенсуса, что может иметь решающее значение при преодолении кризисных явлений и способствовать достижению конструктивных результатов, исключающих наступление дестабилизирующих последствий. В Новое время борьба за права человека «стала орудием в руках “третьего сословия” в его противостоянии с абсолютной монархией. Политика теряла свой статус причины, для того чтобы стать только следствием: во главу угла ставится социальный контракт, заключенный между индивидами. Власть уже больше не организатор, но лишь вторичный продукт общества... Произошло постепенное развоплощение власти, в значительной мере обусловленное все возрастающей ее сложностью и расплывчатостью, возникающей из-за умножения политически действующих лиц и институтов» [8, с. 4, 6]. Правовые и социальные отношения, построенные на иных основах, могут быть подвергнуты перипетиям революционных потрясений, социальной и классовой борьбы, которые ведут к разрушению того, что было создано другими поколениями, примером чему может служить политико-правовое развитие множества государств в XX веке.

Поэтому в основу стратегий достижения «устойчивого будущего» вполне может быть положено «планомерное эволюционное изменение государственно-правового процесса» [9, с. 52], ориентиро-

ванного на гармонизацию экономических, политических, культурных, экологических и иных взаимоотношений внутри социума. Глобализация и дальнейшее развитие науки и технологий обуславливают необходимость в теоретических и практических исследованиях периодов стабильности и нестабильности существующих социальных практик и общественных отношений. Анализируя природу социальных и юридических конфликтов, Ю.А. Тихомиров, Е.В. Черепанова и Ф.В. Цомартова относят к конфликтам будущего непременно нарастающие противоречия «между процессами информатизации и роботизации общественных отношений и традиционными формами деятельности человека, его профессиональной подготовкой» [10, с. 14]. Постоянные трансформации мира происходили на всех этапах его существования в прошлом, происходят в настоящем и, несомненно, будут происходить в будущем. Трансформации современного общества определяются как эволюционными формами социальных изменений, так и появлением новых технологий, внедрением в различные виды деятельности искусственного интеллекта, цифровизацией важнейших сфер деятельности человека, что по своей масштабности и скорости развертывания носит революционный характер.

Другое масштабное изменение при переходе от индустриального к постиндустриальному развитию связано с революцией досуга, что может быть рассмотрено в качестве как положительного, так и негативного феномена. Так, в течение XX века благодаря прогрессу трудового и социального законодательства были регламентированы нормы труда и отдыха, введены социальные пособия, пенсионное обеспечение и прочее. Человек стал способен уделять больше времени себе и своим интересам. По мнению Ж. Дюмазедье, это кардинально изменило

соотношение «между гражданским долгом и правами личности, между требованиями коллективного блага и ценностями индивидуального блага» [11, р. 25]. Общество стало во многом утилитарным, определяемым культурой потребления, а также элементами общей культуры, диктуемой СМИ и транслируемыми ими нарративами. С одной стороны, старые модели поведения, стандарты и стереотипы, основанные на традиционном опыте поколений, уступили место индивиду, целью которого является он сам и его потребность в самовыражении [11, р. 61].

С другой стороны, глобализационные процессы XX столетия привели к широкой урбанизации и индустриализации, изменениям аграрных отношений и массового сознания, к политическим и иным модернизациям, являющимся, согласно мнению представителя исторической социологии Ч. Тилли, основными факторами социальных изменений [12, р. 11]. В настоящее время в основе данных процессов лежит формирование социальных отношений и взаимодействий, значительная часть из которых уже перенесена в виртуальное пространство, существуя в форме цифровых общественных и правоотношений. Цифровая революция интегрирует инновационные технологии в жизнь человека, меняя менталитет и сознание, до этого базировавшиеся на прочном и неизменном мире «классических» общественных отношений. «Факторами, катализировавшими появление эпохального сдвига, а вместе с ним и формирование новых парадигмальных направлений, выступили цифровизация и компьютеризация, которые внесли новую «культурную логику Интернета» во все сферы жизни», – пишет М.А. Гусарова [13, с. 18]. Новая реальность больше не ограничивается миром вещей и привычным социальным пространством. Инфор-

Человек, общество и государство в эпоху постмодерна:
контуры социальных трансформаций

мационные, коммуникативные и интеграционные возможности, выросшие из скачка IT-технологий, включили личность в плоскость «иммерсивной конвергенции» как объединения физического, биологического и цифрового мира, дублирующего мир социального и выводящего его за пределы прежних общественных сфер действия.

Научно-технологические, цифровые, интеллектуальные революции есть часть социальных революций, являющихся фактором общей эволюции общества и самого человека. Социальное значение цифровых преобразований современного мира определяется создаваемыми ими стандартами общественных отношений, порождаемыми как прогрессом применимых технологий, так и прогрессом самой социальной системы, качественно отражающей происходящие изменения. При этом следует различать понятия оцифровки (переноса различной информации, данных с физического носителя на цифровой) и цифровизации, в процессе которой создается новый цифровой продукт и новые модели деятельности, основанные на цифровых технологиях [14, с. 104]. Так возникают блокчейн-технологии, цифровые порталы для реализации субъективных прав граждан и предоставления государственных услуг, придающих государству отчасти сервисный характер. Это требует обработки значительных объемов данных и автоматизации многих юридически значимых процессов, что формирует новые подходы к осмыслению правовых отношений и форм их реализации, в том числе в цифровой среде.

Накопление знаний и постепенное развитие технологий происходило на всем протяжении истории человечества, однако взлет интеллектуального и промышленного прогресса пришелся на эпоху Нового времени, послужившую своеобразным

«водоразделом», отделившим домодерновые общества от современных [15, с. 93]. На капиталистический путь развития ранее всего в Европе встали Нидерланды и Англия бывшие наиболее развитыми странами того времени. Возникновение частного (наемного) труда, а также процесс преодоления феодальных пережитков путем свершения буржуазных революций привели к становлению общества и государства нового модернистского типа. Также и прогресс естественных наук, произошедший благодаря Н. Копернику, И. Кеплеру, И. Ньютону и др., изменил вектор интеллектуального развития не только в рамках отдельных областей знания, но и в научном видении в целом. В фокусе исследования оказались конкретные социальные, культурные, правовые и иные явления, присущие социуму и власти. В мировоззренческом плане государство стало восприниматься как динамическое, изменяющееся явление, чьи закономерности развития и функционирования можно понять и описать. «С началом Нового времени, то есть с конца XV в., начался и переход к новому – промышленному – принципу производства. А вместе с тем постепенно возникла объективная необходимость сменить и другие отношения, поскольку иначе общество не могло создать простор для развития новых производительных сил», – указывает Л.Е. Гринин [16, с. 17]. Таким образом, буржуазные революции были вызваны не только политико-правовыми факторами и причинами, но и возросшими производительными силами общества, вступившего в новую зарождающуюся технологическую эпоху. Последующие социальные изменения уже не могли не отражать данный факт, заложивший образ будущей цивилизации.

Общество и цивилизация домодерна характеризовались традиционностью, по-

знанием объективного мира посредством религиозно-догматического мировоззрения, выступавшего главным ориентиром человека того времени. Сменившие их общество и цивилизация модерна рассматривали религию как одну из форм общественного сознания в рамках права на свободу совести и вероисповедания. Объективный мир познавался с помощью собственных сил, формирующих научное знание, первоначально имевшее форму философии, но затем все более специализирующееся. В конце XIX века, в 1884 году, как осмысленные концепции промышленной революции вышла работа английского историка и экономиста А. Тойнби «Лекции по промышленной революции в Англии». С.С. Будыгин по данному поводу пишет: «А. Тойнби подобно Ф. Энгельсу симпатизировал рабочему классу. Однако он предлагал собственную картину динамики промышленного переворота. За точку отсчета промышленной революции А. Тойнби берет 1760 г., указывая на то, что до 1760 года в Англии держалась старая промышленная система» [15, с. 91–92]. В дальнейшем общество и человек постмодерна сместили объект познания с окружающего мира на самих себя. Человек постмодерна существует в социальной реальности, находящейся в состоянии постоянных трансформаций и взаимодействий, которые необходимо исследовать, но для этого человек должен познать и самого себя.

Общество постмодерна уже не является обществом массовых идеологий, последние уходят на уровень групп интересов, партий, конкретных социальных субкультур. Не является подобное общество и концом истории (Ф. Фукуяма). «Образ мира» человека постмодерна определяется новыми стандартами морали и поведения, невозможностью «конструирования стабильной модели мира» [2, с. 6]. Такой человек «еще

не физически, но чувственно-когнитивно – фрагмент информационной тотальности» [2, с. 6]. Общество постмодерна имеет смешанную систему ценностей: существуют традиционные институты, нормы и отношения и нарративы, не имевшие места ранее. Причем сами условия их формирования сопровождаются нарушением традиций, связей, ощущением незавершенности, что связано с ускоряющимися темпами технологического и интеллектуального развития. Объекты и контуры растущей цифровой реальности предполагают изменение подходов к методам их познавательной деятельности, представленной принципами и нормами исследования. Традиционные методы и приемы могут быть перестроены в соответствии с новыми возможностями, которыми наделены информационные технологии и цифровой мир. В такой ситуации рост научного знания может стать источником информационного развития и привести к выработке принципов социального планирования, прогностического анализа, а также когнитивного управления с целью выявления тенденций и рисков информатизации и цифровизации общественных отношений, что может повлечь утрату ими стабильности в меняющемся социуме.

Риски технологического детерминизма могут быть связаны со снижением важности человека во многих, и в первую очередь – социальных процессах ввиду их автоматизации и цифровизации; с подавлением миром вещей среды обитания человека, интенсивным включением индивида в цифровую реальность в ущерб иным отношениям; господством идеологии гедонизма и потребительства и т. д. Одним из проявлений широкого охвата цифровизацией многих сфер социальной реальности является кризис оригинальности. Понятие оригинала утрачивает свое смысловое и ценностное значение – оригинал становится идентичным

Человек, общество и государство в эпоху постмодерна:
контуры социальных трансформаций

копии, а любая копия – оригиналу. В цифровую эпоху уже нет различий между настоящим и производным, первичным и вторичным, физическим носителем и виртуальным и т. п. То, что являлось уникальным в прошлом, воспринимается в качестве артефакта, предмета поклонения и коллекционирования, в то же время имеется цифровой аналог, доступный всем.

Правовые регуляторы и механизмы могут активно использоваться для защиты общества от негативных угроз как открытого, так и латентного характера, однако право зачастую не успевает за бурно меняющейся реальностью и законодательство принимает «догоняющий» характер. «Правовое пространство как явление известным образом опосредует многие сферы жизнедеятельности человека, социальных общностей, государств и их органов, бизнес-структур, общественных объединений, наконец, международных институтов. Но оно в разной степени охватывает те или иные “пространства общения”, что наглядно видно в ходе исследования правовых пространств в сфере конституционных отношений, в сферах экономики, образования, науки, экологии. Особое значение приобретает информационное пространство, здесь меняются известным образом традиционные правоотношения “лицом к лицу” и возникают виртуальные правовые связи» [10, с. 9]. Центр тяжести контроля над развитием социальных процессов смещается с права как регулятора общественных отношений отчасти к иным формам общественного сознания, с государства как универсального социального субъекта к иным социальным акторам, а также к отдельному человеку. При этом речь не идет об оценке происходящих изменений через призму интерсубъективности и опровержении опыта прошлого, а об интегративном право- и мировоззренческом понимании, соответствующим

современному состоянию ментальности общества, определяемой происходящими социальными революциями.

Поступательное развитие взаимоотношений человека, общества и государства исключает диктат и произвол власти и основывается на идеях гражданского общества, господства права, демократии, а также на свободе и равенстве всех участников социального общения. С эволюционной точки зрения демократическое правовое государство есть результат становления гражданского общества и культуры демократии, выросших из борьбы гражданина за свои права, включая избирательное право, свободное выражение своего мнения, свободу труда, ассоциаций и союзов и т. д. Эти права сопровождали процесс становления правового государства и его трансформации в дальнейшем, вплоть до современности. Современный период демонстрирует развитие государства, права, сферы публичного управления, все более отчетливо идущих в направлении цифровизации и переноса социально и юридически значимых действий в электронную форму. Государство приобретает черты сервисного, предоставляя электронные публичные услуги, ориентированные на удовлетворение запросов и интересов граждан. Расширение информационных взаимодействий на качественном уровне есть итог цифровой революции, феноменом которой может стать переосмысление бытия человека, включенного в цифровую среду как одно из пространств общества постмодерна. Новые возможности не обязательно должны быть связаны с рисками радикальных изменений привычных социальных процессов. В этом смысле цифровые технологии активно проникают в общественные и правоотношения, не меняя их сути, но придавая им новые формы, выстраивая новый мир взаимодействия человека, общества и государства.

Литература

1. Ласло Э. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира // Путь. 1995. № 1. С. 3–129.
2. Левакин И.В. Экономика, человек, право (современность и научно-технологическое развитие) // Век глобализации. 2023. № 2. С. 3–11. DOI: 10.30884/vglob/2023.02.01. EDN WOZUCB.
3. Шмелева Н.В., Бабаева А.В., Спасский А.Н., Хализова А.С. Расширение смысловых границ реальности: между реальностью и вымыслом // Научный потенциал. 2014. № 2. С. 9–14. EDN SKINFB.
4. Любашниц В.Я. Социальное правовое государство как институт, обеспечивающий правопорядок в обществе // Порядок общества и правовой нигилизм : Материалы Межвузовской научно-теоретической конференции, Ростов-на-Дону, 18 декабря 2008 г. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2008. С. 31–33. ISBN 978-5-9275-0421-3.
5. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. : Пер. с нем. Т. 13. М. : Госполитиздат, 1959. 771 с.
6. Годелье М. Азиатский способ производства: стимулирующий концепт с ограниченным аналитическим значением // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. № 1. С. 3–18. EDN KYBRIJ.
7. Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. М. : Республика, 1998. 367 с. ISBN 5-250-02607-9.
8. Исаев И.А. Символический порядок власти // История государства и права. 2016. № 18. С. 3–8. EDN WKTFQJ.
9. Шпаковский Ю.Г. Устойчивое развитие – новая парадигма сохранения цивилизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 1. С. 38–63. EDN WHPPWN.
10. Тихомиров Ю.А., Черепанова Е.В., Цомартова Ф.В. Правовые векторы реальных процессов – новый подход в теории // Государство и право. 2021. № 1. С. 7–16. DOI: 10.31857/S102694520013249-4. EDN RWTOZP.
11. Dumazedier J. Sociologie empirique du loisir. Paris : Éditions du Seuil, 1974. 269 p. ISBN 2020027852.
12. Tilly Ch. On the history of European state-making // Tilly Ch. (Ed) The Formation of National States in Western Europe. Princeton (N.J.) : Princeton University Press, 1975. Pp. 1–83. ISBN 0691052190.
13. Гусарова М.А. Влияние метамодернизма на процессы правопонимания в современном обществе // Философия права. 2022. № 3. С. 18–21. EDN FATNAR.
14. Скляр М.А., Кудрявцева К.В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. № 3. С. 103–114. EDN BAWPJQ.
15. Будыгин С.С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 91–95. DOI: 10.17223/15617793/420/12. EDN ZGPXUZ.
16. Гринин Л.Е. Революции, исторический процесс и глобализация // Век глобализации. 2018. № 4. С. 16–29. DOI: 10.30884/vglob/2018.04.02. EDN YXBJPN.

References

1. Laszlo E. (1991) *The Age of Bifurcation. Understanding the Changing World*. Gordon and Breach. ISBN 2881244912. (Russian version: *Put`*. 1995. No. 1. Pp. 3–129).
2. Levakin I.V. (2023) Economy, human, law (modernity and scientific and technological development). *Vek globalizatsii* [Age of Globalization]. No. 2. Pp. 3–11. DOI: 10.30884/vglob/2023.02.01 (In Russian).

Человек, общество и государство в эпоху постмодерна:
контурь социальных трансформаций

3. Shmeleva N.V., Babaeva A.V., Spasskii A.N., Khalizova A.S. (2014) Expansion of semantic borders of reality: Between reality and fiction. *Nauchnyi potentsial* [Scientific potential]. No. 2. Pp. 9–14. (In Russian).
4. Lyubashicz V.Ya. (2008) The social legal state as an institution that ensures the rule of law in society. In: *Poryadok obshchestva i pravovoi nigilizm* [The Order of Society and Legal Nihilism] : Proceedings of the Inter-University Scientific and Theoretical Conference, Rostov-on-Don, 18 December 2008. Rostov-on-Don : Southern Federal University. Pp. 31–33. ISBN 978-5-9275-0421-3. (In Russian).
5. Marx K. (1859) *Zur Kritik der politischen Ökonomie*. Berlin. (Russian edition: K. Marx, F. Engels. Collected Works. Vol. 13. Moscow : Gospolitizdat, 1959. 771 p.)
6. Godelier M. (2007) The Asian production method: Stimulating concept with limited analytic meaning. *Society. Environment. Development. (Terra Humana)*. No. 1. Pp. 3–18. (In Russian).
7. Proudhon P.J. (1840) *Qu'est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement*. Paris (Russian edition: ed. by V.V. Sapov. Moscow : Respublika, 1998. 367 p).
8. Isaev I.A. (2016) Symbolic power order. *History of State and Law*. No. 18. Pp. 3–8. (In Russian).
9. Shpakovskii Yu.G. (2016) Sustainable development – A new paradigm for civilization save. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 1. Pp. 38–63. (In Russian).
10. Tikhomirov Yu.A., Cherepanova E.V., Tsomartova F.V. (2021) Legal vectors of real processes – A new approach in the theory. *State and Law*. No. 1. Pp. 7–16. DOI: 10.31857/S102694520013249-4 (In Russian).
11. Dumazedier J. (1974) *Sociologie empirique du loisir*. Paris : Éditions du Seuil. 269 p. ISBN 2020027852.
12. Tilly Ch. (1975) On the history of European state-making. In: Tilly Ch. (Ed) *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton (N.J.) : Princeton University Press. Pp. 1–83. ISBN 0691052190.
13. Gusarova M.A. (2022) The influence of metamodernism on the processes of legal understanding in modern society. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. No. 3. Pp. 18–21. (In Russian).
14. Sklyar M.A., Kudryavtseva K.V. (2019) Digitization: trends, benefits and risks *Economic Revival of Russia*. No. 3. Pp. 103–114. (In Russian).
15. Buldygin S.S. (2017) The concept of the industrial revolution: From appearance to the present day. *Tomsk State University Journal*. No. 420. Pp. 91–95. DOI: 10.17223/15617793/420/12 (In Russian).
16. Grinin L.E. (2018) Revolution, historical process and globalization. *Vek Globalizatsii* [Age of globalization]. No. 4. Pp. 16–29. DOI: 10.30884/vglob/2018.04.02 (In Russian).

Поступила в редакцию: 10.11.2025

Поступила после рецензирования: 28.11.2025

Принята к публикации: 12.12.2025

Received: 10.11.2025

Revised: 28.11.2025

Accepted: 12.12.2025